

Оскар Уайльд Баллада Редингской тюрьмы

Перевод: Константин Дмитриевич Бальмонт

1

Он не был больше в ярко-красном,
Вино и кровь он слил,
Рука в крови была, когда он
С умершей найден был,
Кого любил – и, ослепленный,
В постели он убил.

И вот он шел меж подсудимых,
Весь в серое одет.
Была легка его походка,
Он не был грустен, нет,
Но не видал я, чтоб глядели
Так пристально на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впиваясь в узкую полосу,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

С другими душами чистилищ,
В другом кольце, вперед,
Я шел и думал, что он сделал,
Что совершил вон тот, –
Вдруг кто-то прошептал за мною:
«Его веревка ждет».

О, боже мой! Глухие стены
Шатнулись предо мной,
И небо стало раскаленным,
Как печь, над головой,
И пусть я шел в жестокой пытке, –
Забыл я ужас свой.
Я только знал, какою мыслью
Ему судьба – гореть.
И почему на свет дневной он
Не может не смотреть, –
Убил он ту, кого любил он,
И должен умереть.

Но убивают все любимых, –
Пусть знают все о том, –
Один убьет жестоким взглядом,

Другой – обманным сном,
Трусливый – лживым поцелуем,
И тот, кто смел, – мечом!

Один убьет любовь в расцвете,
Другой – на склоне лет,
Один удушит в сладострастии.
Другой – под звон монет,
Добрейший – нож берет: кто умер,
В том муки больше нет.

Кто слишком скор, кто слишком долог,
Кто купит, кто продаст,
Кто плачет долго, кто – спокойный –
И вздоха не издаст,
Но убивают все любимых, –
Не всем палач воздаст.

Он не умрет позорной смертью,
Он не умрет – другой,
Не ощутит вокруг шеи петлю
И холст над головой,
Сквозь пол он не уронит ноги
Над страшной пустотой.

Молчащими не будет ночью
И днем он окружен,
Что все следят, когда заплачет,
Когда издаст он стон, –
Следят, чтоб у тюрьмы не отнял
Тюремной жертвы он.

Он не увидит на рассвете,
Что вот пришла Беда,
Пришел, дрожа, священник в белом,
Как ужас навсегда,
Шериф и комендант, весь в черном,
Чей образ – лик Суда.

Он не наденет торопливо
Свой каторжный наряд,
Меж тем как грубый доктор смотрит,
Чем новым вспыхнул взгляд, –
Держа часы, где осужденье
Звучат, стучат, стучат.

Он не узнает тяжелой жажды,
Что в горле – как песок,
Пред тем, когда палач в перчатках
Прильнет на краткий срок
И узника скрутит ремнями,
Чтоб жаждать он не мог.

Слова молитв зауспокойных
Не примет он, как гнет,
И, между тем как ужас в сердце
Кричит, что он живет,
Он не войдет, касаясь гроба,
Под страшный низкий свод.

Не глянет он на вышний воздух
Сквозь узкий круг стекла,
Молясь землистыми губами,
Чтоб боль скорей прошла,
Не вздрогнет он от губ Кайафы,
Стирая пот с чела.

2

Уж шесть недель гулял солдат наш,
Весь в серое одет,
Была легка его походка,
Он не был грустен, нет,
Но не видал я, чтоб глядели
Так пристально на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впиваясь в узкую полоску,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

Он не ломал с тоскою руки,
Как те, в ком мало сил
И кто в Отчаяньи Надежду
Безумно оживил, –
Нет, только он глядел на солнце
И жадно воздух пил.

Не плакал он, ломая руки,
О том, что суждено,
Но только утро пил, как будто
Целительно оно.
О, жадно, жадно пил он солнце,
Как светлое вино!

С другими душами чистилищ,
В другом кольце, вперед,
Я шел, – и каждый, кто терзался,
Про свой не помнил гнет,
Но мы за тем следили тупо,
Кого веревка ждет.

И странно было знать, что мог он
Так весело шагать,
И странно было, что глазами
Он должен свет впивать,
И странно было знать, что должен
Такой он долг отдать.

Цветут и дуб и вяз роскошно
Весеннею порой.
Но страшно видеть столб позорный,
Что перевит змеей, –
И, стар иль юн, но кто-то должен
Предел не выждать свой!

Высок престол, и счастье трона
Всех манит и зовет,
Но кто хотел бы, с крепкой петлей,
Взойти на эшафот
И сквозь ошейник бросить взгляд свой
Последний в небосвод?

Прекрасны пляски, звуки скрипок,
Любовь и Жизнь с Мечтой;
Любить, плясать, под звуки лютни,
Толпою молодой;
Но страшно – быстрою ногою –
Плясать над пустотой!

И мы за ним с больным вниманьем
Следили, чуть дыша:
Быть может, к каждому такой же
Конец ползет, спеша?
Как знать, в какой нас Ад заманит
Незрячая душа.

И наконец меж подсудимых
Он больше не ходил.
Я знал: он в черной загородке,
В судебном зале был.
Его лица я не увижу,
Как долго б я ни жил.

Мы встретились, как в бурю, в море,
Погибшие суда.
Без слов, без знака – что могли бы
Мы говорить тогда?
Мы встретились не в ночь святую,
А в яркий день стыда.

Тот и другой в глуши тюремной
Людской отбросок был,
Нас мир, сорвавши с сердца, бросил,

И бог о нас забыл,
И за железную решетку
Грех в тьму нас заманил.

3

Двор Должников – в камнях весь жестких,
Там слизь со стен течет,
С высоких стен; близ них гулял он:
Над ним – свинцовый свод,
И слева–справа страж ходил с ним,
Боясь, что он умрет.

Или молчащими он ночью
И днем был окружен, –
Они следили за слезами,
Они ловили стон,
Боясь, чтобы не отнял жертву
У эшафота он.

Был комендант без послаблений,
Устав он твердо знал.
Смерть – факт научный, – доктор умный
Все факты признавал.
В день дважды приходил священник –
И книжку оставлял.

И дважды в день курил он трубку
И кружку пива пил,
Его душа была спокойна,
В ней страх не властен был,
Он говорил, что он доволен
Уйти во тьму могил.

Но почему так говорил он,
Страж ни один не знал:
Тот, кто в тюрьме быть должен стражем,
Язык свой замыкал,
Кому судьба в тюрьме быть стражем,
Тот маску надевал.

Когда б спросил, душа не в силах
Была б так быть нема,
А что же может сделать Жалость
Там, где убийцам – Тьма?
Какое слово он нашел бы
Для братского ума?

Мы проходили, образуя
Наш – Шутовской – Парад.

Что в том! Ведь были мы одною
Из Дьявольских Бригад:
В ногах – свинец, затылки бриты, –
Роскошный маскарад.

Канаты рвали мы – и ногти,
В крови, ломали мы,
Пол мыли щеткой, терли двери
Решетчатой тюрьмы, –
Шел гул от топота, от ведер,
От адской кутерьмы.

Мешки мы шили, били камни, –
Шел звон со всех сторон, –
Мы били жечь и пели гимны,
Наш ум был оглушен,
Но в сердце каждого был ужас:
Таился в сердце он.

Таился так, что дни, как волны,
Меж трав густых ползли.
Забыли мы, чего обманщик
И глупый ждать могли.
Но раз, с работы возвращаясь,
Могилу мы прошли.

Зияла яма жадной пастью,
Возжаждавшей убить,
Кричала грязь, что хочет крови,
Асфальту нужно пить.
Мы знали: завтра между нами
Один окончит быть.

И мы вошли, душой взирая
На Смерть, на Суд, на Страх;
Прошел палач с своей сумою, –
Он спрятался впотьмах;
И мы дрожа замкнулись – каждый
Под номером – в гробах.

В ту ночь тенями в коридорах
Тюрьма была полна,
Вошли шаги в Железный Город,
Шепталась тишина,
И лица бледные глядели
Сквозь полосы окна.

А он лежал – как тот, кто в травах
Заснул, устав мечтать,
И стражи сон тот сторожили
И не могли понять,
Как может кто–нибудь пред казнью
Так сладко, сладко спать.

Но нет тем сна, кто слез не ведал
И весь дрожит в слезах.
Так мы – обманщик, плут и глупый –
Все были на часах.
Сквозь каждый мозг, цепляясь, ползал
Другого жгучий страх.

О, это страшно, страшно – муку
Терпеть за грех чужой!
Нам меч греха вонзился в сердце
С отравой роковой,
Горели слезы в нас – о крови,
Что пролил здесь другой.

И стражи, в обуви бесшумной,
Смотря в дверной кружок,
Пугались, на полу увидя
Тех, дух чей изнемог, –
Дивились, что молиться могут,
Кто никогда не мог.

Всю ночь, склоняясь, мы молились,
Оплакивая труп,
И перья полночи качались,
Могильный мрак был туп,
И вкус раскаянья был в сердце –
Как желчи вкус для губ.

Седой петух пропел и красный,
Но дня не привели,
И тени Ужаса пред нами
По всем углам ползли,
И каждый дух, что бродит ночью,
Кривясь, густел в пыли.

Они ползли, они скользили,
Как путники сквозь мглу,
Они, как лунные виденья,
Крутились на полу,
И с мерзкой грацией качались,
И радовались злу.

Они с ужимками мигали
Вблизи и вдалеке,
Они плясали сарабанду –
И шли рука к руке,
Они чертили арабески.
Как ветер на песке!

Марионеткам было любо
Ногами семенить,
Под флейты Страха в маскараде

Свой хоровод водить, —
И пели маски, пели долго,
Чтоб мертвых разбудить.

«Ого! — кричали. — Мир обширен,
Но цепи — вот беда!
И джентльмены кость бросают
И раз, и два, — о, да!
Но раб тот, кто с Грехом играет
В Прибежище Стыда!»

Нет, не из воздуха был создан
Злорадный тот синклит
Для тех, чья жизнь была в колодках,
Кто был в гробу забит.
Они — о, боже! — были живы,
И страшен был их вид.

Кругом, кругом в зловещем вальсе
Крутились духи тьмы,
Они жеманно улыбались
По всем углам тюрьмы,
Мигали, тонко усмехались,
Пока молились мы.

Ночь длилась, но уж ветер утра
Летал, легко стенья,
Все нити мрака Ночь продлила,
Сквозь свой станок гоня,
И мы в молитвах ужаснулись
На Правосудье Дня.

Вдоль влажных стен стеньящий ветер
Скользил со всех сторон,
И колесом стальным впился в нас
Минут чуть слышный звон.
О, что же сделали мы, ветер,
Чтоб слышать этот стон?

И наконец во мгле неясной
На извести стенной
Увидел призрак я решетки,
Узор ее резной, —
И я узнал, что где-то в мире
Был красен свет дневной.

И в шесть часов мели мы кельи,
В семь — тишь везде была.
Но внятен шорох был — качанье
Могучего крыла.
Чтобы убить — с дыханьем льдистым
В тюрьму к нам Смерть вошла.

Не на коне, как месяц, белом,
Не в красках огневых.
Сажень веревки только нужно,
Чтоб человек затих, –
И вот она вошла с веревкой
Для тайных дел своих.

Мы точно шли сквозь топь на ощупь:
Кругом – болото, мгла,
Не смели больше мы молиться,
И сжата скорбь была,
В нас что-то умерло навеки,
Надежда умерла.

О, Правосудье Человека,
Подобно ты Судьбе,
Ты губишь слабых, губишь сильных
В чудовищной борьбе,
Ты сильных бьешь пятой железной,
Проклятие тебе!

Мы ждали, чтоб пробило восемь,
Томясь в гробах своих:
Счет восемь – счет клеймящий Рока,
Крик смерти в мир живых, –
И Рок задавит мертвой петлей
Как добрых, так и злых.

Мы только думали и ждали,
Чтоб знак прийти был дан,
И каждый был как бы в пустыне
Застывший истукан,
Но сердце в каждом било – точно
Безумный в барабан!

Внезапно на часах тюремных
Восьми отбит был счет,
И стоном общим огласился
Глухой тюремный свод,
Как будто крикнул прокаженный
Средь дрогнувших болот.

И как в кристалле сна мы видим
Чудовищнейший лик,
Мы увидали крюк, веревку,
Пред нами столб возник,
Мы услышали, как молитву
Сдавила петля в крик.

И боль, которой так горел он,
Что издал крик он тот,
Лишь понял я вполне, – весь ужас
Никто так не поймет:

Кто в жизни много жизнью слышит,
Тот много раз умрет.

4

Обедни нет в день смертной казни,
Молитв не могут петь.
Священник слишком болен сердцем,
Иль должен он бледнеть,
Или в глазах его есть что-то,
На что нельзя смотреть.

Мы были взаперти до полдня,
Затем раздался звон,
И стражи, прогремев ключами,
Нас выпустили вон,
И каждый был с отдельным адом
На время разлучен.

И вот мы шли в том мире божьем
Не как всегда, – о, нет:
В одном лице я видел бледность,
В другом – землистый цвет,
И я не знал, что скорбный может
Так поглядеть на свет.

Я никогда не знал, что может
Так пристальным быть взор,
Впивая узкую полоску,
Тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

Но голову иной так низко,
Печально опустил,
И знал, что, в сущности, той казни
Он больше заслужил:
Тот лишь убил – кого любил он,
Он – мертвых умертвил.

Да, кто грешит вторично, – мертвых
Вновь к пыткам будит он
И тянет труп за грязный саван:
Вновь труп окровавлен,
И вновь покрыт густой он кровью,
И вновь он осквернен!

По влажно-скользкому асфальту
Мы шли и шли кругом,
Как клоуны иль обезьяны,

В наряде шутовском, –
Мы шли, никто не молвил слова,
Мы шли и шли кругом.

И каждый ум, пустой и впалый,
Испуган был мечтой,
Мысль об уродливом была в нем,
Как ветер круговой,
И Ужас шел пред ним победно,
И Страх был за спиной.

И были стражи возле стада
С чванливостью в глазах,
И все они нарядны были
В воскресных сюртуках,
Но ясно, известь говорила
У них на сапогах.

Там, где зияла раньше яма,
Покрылось все землей.
Пред гнусною стеной тюремной –
Песку и грязи слой,
И куча извести – чтоб мертвый
Имел в ней саван свой.

Такой на этом трупе саван,
Каких не знает свет:
Для срама большего он – голый,
На нем покрова нет, –
И так лежит, цепями скован
И пламенем одет!

И известь ест и плоть и кости,
Огонь в него проник,
И днем ест плоть и ночью – кости,
И жжет, меняет лик,
Ест кость и плоть попеременно,
Но сердце – каждый миг.

Три долгих года там не сеют
И не растят цветов,
Три долгих года там – бесплодность
Отверженных песков, –
И это место смотрит в небо,
Глядит без горьких слов.

Им кажется, что кровь убийцы –
Отрава для стеблей.
Неправда! Нет, земля – от бога,
Она добрей людей, –
Здесь краска роз была б краснее,
И белых роз – белей.

Из сердца – стебель белой розы,
И красной – изо рта!
Кто может знать пути господни,
Веления Христа?
Пред папой – посох пилигрима
Вдруг все одел цвета!

Но нет ни белых роз, ни красных
В тюрьме, где все – тиски.
Кремень, голыш – вот все, что есть там, –
Булыжник, черепки:
Цветы нас исцелить могли бы
От ужасов тоски.

И никогда не вспыхнут розы
Меж стен позорных тех,
И никогда в песке и в грязи
Не глянет цвет утех,
Чтобы сказать убогим людям,
Что умер бог за всех.

Но все ж, хоть он кругом оцеплен
Тюремною стеной,
И хоть не может дух в оковах
Бродить порой ночной,
И только плачет дух, лежащий
Во мгле, в земле такой, –

Он в мире – этот несчастливый,
Он в царстве тишины.
Там нет грозящего безумья,
Там Страх не входит в сны,
В земле беззвездной, где лежит он,
Нет солнца, нет луны.

Он как животное – бездушно –
Повешен ими был.
Над ужаснувшейся душою
И звон не прозвонил.
Они его поспешно взяли,
Зев ямы жертву скрыл.

Они с него покров сорвали:
Для мух был пирный час.
Смешна была им вздутость горла,
Недвижность мертвых глаз.
Они со смехом клали известь,
Чтоб саван жег, не гас.

Священник мимо той могилы
Без вздоха бы прошел,
Ее крестом не осенил бы,
Нам данным в бездне зол, –

Ведь здесь как раз один из тех был,
К кому Христос пришел.

Пусть так. Все хорошо: замкнулась
Дней здешних череда,
Чужие слезы отдадутся
Тому, чья жизнь – беда,
О нем отверженные плачут,
А скорбь их – навсегда.

5

Прав или нет Закон – не знаю,
Одно в душе живет:
В тюрьме – тоска, в ней стены крепки,
В ней каждый день – как год.
И каждый день в том долгом годе
Так медленно идет.

И знаю я: все, все законы,
Что сделал человек,
С тех пор, как первый брат убит был,
И мир стал – мир калек, –
Закон мякину сохраняет
И губит рожь навек.

И знаю я, – и было б мудро,
Чтоб каждый знал о том, –
Что полон каждый камень тюрем
Позором и стыдом:
В них люди братьев искажают,
Замок в них – пред Христом.

Луну уродуют решеткой
И солнца лик слепят,
И благо им, что ад их скрытен:
На то, что там творят,
Ни бога сын, ни человека
Не должен бросить взгляд!

Деянья подлые возрастают,
Как плевелы, в тюрьме.
Что есть благого в человеке –
Бледнеет в той чуме,
И над замком Тоска нависла,
Отчаянье – во тьме.

Ребенка мучают, пугают,
Он плачет день и ночь.
Кто слаб – тем кнут, кто глуп – тех хлещут,

Кто сед – тех бить не прочь.
Теряют ум, грубеют, чахнут –
И некому помочь.

Живем мы – каждый в узкой келье,
Вонючей и глухой,
Живая Смерть с гнилым дыханьем –
За каждую стеной,
И, кроме Похоти, все тлеет,
Как пыль, в душе людской.

Водой соленой там поят нас,
И слизь по ней скользит,
И горький хлеб, что скудно весит,
С известкой, с мелом слит,
И Сон не хочет лечь, но бродит
И к Времени кричит.

Но если Голод с бледной Жаждой –
Змея с другой змеей,
О них заботимся мы мало,
Но в чем наш рок слепой –
Тот камень, что ты днем ворочал,
В груди – во тьме ночной.

Всегда глухая полночь в сердце,
И тьма со всех сторон.
Мы рвем канат, мотыль вращаем,
Ад – каждый отделен,
И тишина еще страшнее,
Чем грозный медный звон.

Никто не молвит слова ласки
С живущим мертвецом,
И в дверь лишь виден взор следящий
С бесчувственным лицом.
Забыты всеми, – мы и телом
И духом здесь гнием.

Цепь Жизни ржавая, каждый жалкий
Принижен и забит, –
И кто клянет, и кто рыдает,
И кто всегда молчит.
Но благ Закон бессмертный бога:
Он камень душ дробит.

Когда же нет у человека
В разбитом сердце сил,
Оно – как тот ларец разбитый,
Где нард роскошный был,
Который в доме с прокаженным
Господь, как клад, открыл.

Счастливы – вы, с разбитым сердцем,
Уставшие в пути.
Как человек иначе может
Свой дух от Тьмы спасти?
И чем же, как не сердцем, может
Христос в наш дух войти?

И тот – с кровавым вздутым горлом
И с мглой недвижных глаз –
Ждет рук Того, кем был разбойник
Взят в Рай в свой смертный час.
Когда у нас разбито сердце,
Господь не презрит нас.

Тот человек, что весь был, в красном
И что читал Закон,
Ему дал три недели жизни,
Чтоб примирился он,
Чтоб тот с души смыл пятна крови,
Кем нож был занесен.

К его руке – от слез кровавых
Вернулась чистота:
Лишь кровью кровь омыть возможно,
И влага слез чиста, –
И красный знак, что дал нам Каин,
Стал белизной Христа.

6

Близ Рэдинга есть в Рэдингской
Тюрьме позорный ров.
Злосчастный человек одет в нем
В пылающий покров.
Лежит он в саване горящем –
И нет над гробом слов.

Пусть там до воскресенья мертвых
Он будет тихо тлеть,
И лить не нужно слез безумных,
И без толку жалеть:
Убил он ту, кого любил он, –
Был должен умереть.

Но убивают все любимых, –
Пусть слышат все о том.
Один убьет жестоким взглядом,
Другой – обманным сном,
Трусливый – лживым поцелуем,
И тот, кто смел, – мечом!

